

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 811.161.1-112

**СЛАВЯНИЗМЫ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ П. А. ВЯЗЕМСКОГО:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Е. Ю. Бородина

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

Цель данной статьи – разработка лингвистического и лингвоментального исследовательских аспектов применительно к использованию славянизмов и церковнославянизмов в лирике П. А. Вяземского. Способ анализа – выявление как очевидных, так и неочевидных для современного языкового сознания сакрально-религиозных значений и смыслов славянизмов, выступающих в качестве ключевых слов стихотворений.

Ключевые слова: *П. А. Вяземский, лирика, славянизмы, церковнославянизмы, православное мирозерцание.*

Следуя своим многочисленным предшественникам, начиная с М. В. Ломоносова [10], Г. О. Винокур (1896–1947) еще в работе «О славянизмах в современном русском литературном языке» (1947) отмечал: «...самое понятие “славянизм” может иметь два разных значения: одно – генетическое, другое – стилистическое. В генетическом смысле наименование славянизма приложимо ко всем тем явлениям современной русской речи, которые имеют не русское, а церковнославянское происхождение. <...> Совсем другое дело славянизм в стилистическом смысле. Это есть славянизм не по происхождению, а по употреблению. С первых же дней его существования в русском письменном языке стало обнаруживаться присутствие двух начал: народного русского и церковнославянского книжного» [5, с. 443–444].

В лингвистическом сообществе представлена и иная точка зрения на соотношение церковнославянского и русского начал в древнерусской книжности. Так, Е. С. Яковлева применительно к древнерусскому периоду развития нашего языка делает такое замечание терминологического характера: «“Церковнославянизм” понимается нами расширительно, скорее, как синоним “книжного” слова (в противоположность “бытовому”, “разговорному”) – с акцентом на функциональном, а не на генетическом аспекте значения. В сущности, то, что <...> именуется церковнославянским, с полным основанием могло бы называться древнерусским (или старорусским) литературным языком...» [15, с. 45]. Используемый Е. С. Яковлевой аргумент в пользу названия книжного древнерусского (или старорусского) языка церковнославянским – в том, что эталоном всей древнерусской книжности было Священное Писание [9, с. 61]. Обоснование целесообразности такого терминологического отождествления: «...при сопоставлении старорусского и современного русского литературных языков оно помогает высветить оппозицию “духовное” / “светское”, которая

<...> оказывает существенное влияние на процессы семантических преобразований в ряду церковнославянской – книжной, литературной – лексики» [15, с. 45].

С нашей точки зрения, как бы ни интерпретировать соотношение церковнославянской и народно-разговорной стихий в древнерусской книжности, общая тенденция их эволюционного соотношения в последующие периоды истории русского литературного языка заключается в его последовательной секуляризации. Славянизмы в развивающихся секулярных дискурсах по большей части перестают восприниматься как *церковнославянизмы* и либо полностью осваиваются, либо выступают не в специфической сакрально-религиозной семантике, а лишь как средство стилизации.

По условиям идеологии советских лет, в теоретической разработке понятия «славянизм» и в исследовательской практике нельзя было акцентировать и подробно изучать тот семантический аспект славянизмов, который связан с актуальной церковно-религиозной составляющей, то есть с тем, что некоторая часть славянизмов даже в советские годы выступала вовсе не как архаичные книжные элементы с функционально-стилистически ограниченным употреблением, но как живые *церковнославянизмы*, средства выражения реальностей религиозного сознания и церковной практики, актуальных для живущих здесь-и-сейчас носителей языка. Акцентировалась, изучалась и интерпретировалась *стилистическая* сторона славянизмов – в максимально приемлемом отвлечении от (возможной) сакрально-религиозной основы их семантики.

Советская эпоха ушла в прошлое, и в настоящее время термины *славянизм* и *церковнославянизм* целесообразно разграничивать как общее (родовое) и частное (видовое) именование, а именно: 1) трактовать *славянизмы* как инославянские, в более узком прочтении – старославянские / церковнославянские по происхождению лексемы, выступающие в секулярных и/или сакрально-религиозных значениях и стилистических (функционально-стилистических и/или эмоционально-стилистических) окрасках, 2) церковнославянизмы, соответственно, – трактовать как старославянские / церковнославянские по происхождению лексемы, выступающие не в секулярных, а в сакрально-религиозных значениях и стилистических (функционально-стилистических и/или эмоционально-стилистических) окрасках.

Славянизмы указанного первого рода в целях терминологического уточнения целесообразно также именовать *секулярными / секуляризованными славянизмами* – словами с секулярной семантикой, связанной с языковым опредмечиванием феноменов секулярного («светского», мирского) сознания; славянизмы указанного второго (церковнославянизмы) – именовать *славянизмами с сакрально-религиозной и/или церковной семантикой*, связанной с языковым опредмечиванием феноменов религиозного сознания и/или церковной жизни.

В. В. Виноградов еще в 1935 году, в первом в отечественной науке фундаментальном исследовании языка А. С. Пушкина, отметил безусловную необходимость учета в исследовании славянизмов (церковнославянизмов) факторов социально-исторического характера: «Само понятие церковнославянизма в русском литературном языке – исторически и социологически изменчиво. Оно определяется теми соотношениями, которые устанавливаются в ту или иную эпоху между языком и идеологией господствующих классов и языком религиозного культа. И в пределах разных социальных групп дворянства церковно-книжная культура и генетически связанные с ней формы языка, мифологии и идеологии в начале XIX века имели неодинаковый объем и, следовательно, не вполне однородное содержание, не вполне тождественную структуру» [4, с. 78].

Делая поправку, что церковнославянизмы – это не только и не столько «язык религиозного культа», сколько средство языкового опредмечивания реальностей религиозной составляющей культуры в целом и религиозной составляющей сознания отдельного человека, и применяя это общее положение к творчеству Вяземского, следует добавить: «неодинаковый объем и, следовательно, не вполне однородное содержание» характерны также для разных периодов его жизни и творчества, что связано с неизбежными изменениями на протяжении жизни мировоззренческих, в том числе религиозных, взглядов и внутренней бессознательной позиции, которая – с разной мерой осознанности – находит выражение в поэтическом творчестве.

Эволюцию поэтического языка Вяземского представляется возможным осмыслить как «растянутую во времени» эволюцию языка Пушкина, а следовательно, и в целом как отражение магистральной линии становления современного русского литературного языка, ср. заключение В.В. Виноградова: «Итак, начав свой литературный путь борьбой с церковно-книжной традицией <...> Пушкин затем не только оправдал историческую роль церковнославянизмов, но признал их жизненное значение для последующего развития литературы. Выступив на литературное поприще как “француз”, как европеец, Пушкин скоро понял идеологическую узость и художественный “провинциализм” стилей русских европейцев. <...> Проблема синтеза национальной и европейской стихии привела поэта к разработке “сокровищ живого слова”. В национально-бытовом дворянском просторечии, не зараженном “французской болезнью”, и в простонародном языке, к которому примыкали и “мутные, но кипящие источники” народной поэзии и памятники древнерусской письменности, Пушкин увидел структурную основу русского национально-литературного языка. Синтез этих трех основных языковых категорий – церковнославянской, европейской и национально-русской – по мысли Пушкина должен был опираться на представление о языке “хорошего общества” (т. е. о языке буржуазно-дворянской интеллигенции) как об идеальной норме литературного выражения» [Там же, с. 454].

К этой «идеальной норме литературного выражения» Вяземский приходит в заключительный период своего поэтического творчества, в котором секулярно-«светские» и сакрально-религиозные мотивы оказываются тесно и органически переплетенными.

Первая треть XIX века – период активного становления русского литературного языка, ориентированного в первую очередь на секулярные дискурсы в оппозиции церковно-религиозному. Наиболее очевидные признаки «нового стиля» – освобождение от избыточной «славянщины» (церковнославянских слов и выражений), активные заимствования из французского и демократизация языка за счет использования народно-разговорных слов и выражений. Эти языковые особенности в мировоззренческом отношении перекликались с ориентацией на западную культуру, с политическим вольнодумством и религиозным вольномыслием, которое в период советского государственного атеизма интерпретировалось даже как «богоборчество».

Члены литературного кружка «Арзамас», включая А. С. Пушкина и П. А. Вяземского – звезды «золотого века» русской поэзии, сторонники «карамзинского» направления в литературе и «нового стиля» в языке. По отношению к их поэтическим идиолектам бытует утверждение: «Вопрос о церковнославянском наследии в новом литературном языке был снят, таким образом, ходом развития образования, вставшего на путь обмирщвления с середины XVIII в.» [2, с. 358]. Это утверждение ассоциируется с якобы имевшим у «арзамасцев» тотальный характер исключением традиционной христианской составляющей поэтической семантики, с использованием славянизмов в сугубо секулярных значениях, а в лингвоментальном отношении – с якобы полной безрелигиозностью, доходящей до атеизма.

Указанные крайности оценок, обусловленные спецификой советского периода отечественной истории, в современных условиях нуждаются в существенной корректировке, существо которой, на наш взгляд, сводится к следующему.

«Обмирщение», секуляризация языка – задача, которая в принципе не может быть решена быстро. Это не заставить бояр сбрить бороды и переодеться в европейское платье: два-три десятилетия – и готово, новые бытовые привычки у социальных верхов сформировались. В основе секуляризации языка – мировоззренческие, а затем и вместе с ними лингвоментальные социально-психологические и индивидуально-личностные трансформации, лишь после этого сколько-нибудь широкое изменение узуса дискурсивных практик. В этом контексте, как справедливо отмечают специалисты уже постсоветского периода нашей истории, «...новый язык должен был, обслуживая светскую словесность, служить в конечном счете задачам секуляризации <...> жесткой, разрывающей с традициями церковной культуры, или более мягкой, предполагающей постепенность и сохранение глубоких и интимных связей Церкви и отошедшей от нее обмирщенной литературы» [3, с. 96].

Русский литературный язык пошел, как известно, по карамзинскому пути «жесткой» секуляризации. Однако она не носила и не могла носить сугубо радикального характера. Коль скоро «православный компонент», по оценкам современных исследователей (см., например: [11; 14]), занимает существенное место в лингвокультурном пространстве даже современного русского языка, несмотря на десятилетия государственных атеистических гонений, в том числе в новой литературе «духовного реализма» [6; 7], то что уж и говорить о начале XIX века, когда «некрещеных» и невоцерковленных русских, включая самых европеизированных, попросту не было. Как показывают современные исследования, православный дискурс занимал значительное место в творчестве, например, В. А. Жуковского [1], близкого друга Вяземского на протяжении многих десятилетий, а записные книжки Вяземского в советское время были изданы лишь до 1848 года [8], – то есть до того момента, с которого в его записных книжках появляется множество сакрально-религиозных тем, в том числе связанных с паломничеством по святым местам в 1850 году. Другой вопрос, что сакрально-религиозный публичный и художественный дискурс, основывающийся на церковнославянизмах, маргинализировался, оказывался за пределами не только «салонно-литературных стилей высшего общества» (В. В. Виноградов), но по большей части и за пределами актуального литературного процесса.

Таким образом, обмирщение «контента», содержания печатных произведений и обиходного общения и секуляризацию языка, в том числе применительно к разным периодам творчества Вяземского, не следует интерпретировать как полный уход из русской ментальности религиозной составляющей.

«Общее место» современной филологической русистики – факт «компромисса» «книжной и разговорной языковой стихии» [13, с. 140], то есть стихии «старой», базирующейся на церковнославянской книжности, и «новой», ориентирующейся на «салонно-литературный» язык социальных верхов, эволюционирующей под влиянием европейской культуры и французского языка. В лингвоментальном отношении у «арзамасцев», в том числе у Вяземского, доминантной оказывалась «салонно-литературная» стихия, но вовсе не как единственная.

Отношение Вяземского к христианству в первой трети его творческой жизни, на наш взгляд, удачно сформулировано в обобщении И. Е. Прохоровой: «В целом мироощущение Вяземского этих лет – мироощущение человека рационалистического склада, впитывавшего и продуцировавшего в гораздо большей мере либерально-просветительские идеи, чем религиозно-церковные. <...> В постоянных

сомнениях Вяземского относительно истинности и жизненности христианских догматов, в первую очередь, конечно, проявляется определенная закономерность духовных исканий мыслящего человека первой четверти XIX века. Но проглядывает в них, особенно в ранней молодости, и дань тогдашней моде на вольнодумство, а иногда и своего рода юношеская бравада, даже эпатаж [12, с. 135–136].

В утверждении, что П. А. Вяземский (1792–1878) – поэт «пушкинской поры» (варианты: «пушкинского круга», «пушкинской плеяды»), как бы «выносятся» за скобки», во-первых, что Вяземский существенно старше Пушкина и в начале его творческого пути был по отношению к Пушкину старшим товарищем, во-вторых, что на время жизни Пушкина приходится лишь первый период творчества Вяземского. После кончины Пушкина у Вяземского – еще два периода дальнейшего творческого развития, которые существенно отличаются от начального, биографически совпадающего с пушкинским, и в жанрово-тематическом, и в мировоззренческом, и в лингвопоэтическом отношениях.

Таким образом, в рамках исследования поэтического языка П. А. Вяземского славянизмы могут рассматриваться как своеобразные «лингвоментальные индикаторы» соотношения «салонно-секулярного» и сакрально-религиозного аспектов художественного сознания в их непростом взаимодействии на уровне индивидуального языкового, в том числе индивидуального художественного сознания. Иными словами, славянизмы в поэтическом творчестве Вяземского, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать как своеобразные «индикаторы» религиозного измерения его жизни и поэтического служения, «показания» которого колеблются от крайних точек «мирское (светское, секулярное)» и «церковно-религиозное, сакральное», никогда, впрочем, не достигая собственно края, но оставаясь в некоем континуальном промежутке между этими крайностями. Типовые лингвостилистические (лингвопоэтические) и лингвоментальные (лингвоконцептуальные) функции славянизмов в поэтическом творчестве «раннего» и «позднего» Вяземского существенно различаются – в изоморфном соответствии с основными общеязыковыми функциями славянизмов в русской поэтической речи и в русском литературном языке в целом.

Список литературы

1. Айзикова И. А. Евангельские идеи, мотивы, образы в «святой прозе» В. А. Жуковского // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 169–196.
2. Алексеев А. А. Место П. А. Вяземского в истории русского литературного языка // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петерб. лингв. об-во, 2013. С. 355–362.
3. Бухаркин П. Е. Поэтический язык А. С. Пушкина и проблемы секуляризации русской культуры // Христианство и русская литература: Сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 92–104.
4. Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. 457 с.
5. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
6. Волков В. В., Волкова Н. В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
7. Волков В. В., Гладилина И. В., Скаковская Л. Н. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного // Казанская наука. 2017. № 1. С. 49–54.

8. Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 507 с.
9. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
10. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 585–592.
11. Мишланов В. А. О месте церковнославянского языка в русском лингвокультурном пространстве // Филологические заметки. 2014. № 1. С. 1–15.
12. Прохорова И. Е. Христианство в творческом сознании П. А. Вяземского 1810-х годов // Проблемы исторической поэтики: Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во Петр. гос. ун-та, 2005. С. 125–137.
13. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
14. Шишков М. С. Православный компонент в лингвокультурном пространстве современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. С. Шишков; Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2007. 18 с.
15. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 43–73.

**SLAVICISMS AND CHURCH SLAVICISMS
IN P.A. VYAZEMSKY'S LYRICS: THE LINGUISTIC
AND LINGUO-MENTAL ASPECTS**

E. Yu. Borodina

Tver State University
the Department of Russian Language

The purpose of this article is the development of linguistic and linguo-mental research aspects as applied to use of slavisms and Church slavisms in P.A. Vyazemsky's lyrics. The way of analysis is to reveal both the obvious and non-obvious for the modern linguistic consciousness the sacral-religious meanings of slavisms, which act as key words of the verses.

Keywords: *P. A. Vyazemsky, lyrics, slavisms, Church slavisms, Orthodox world outlook.*

Об авторе:

БОРОДИНА Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: amsterdam6989@mail.ru.

About the author:

BORODINA Ekaterina Yurevna – Postgraduate Student at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: amsterdam6989@mail.ru.